

A painting of a kitchen interior. In the center is a wooden cabinet with its doors open, revealing a large green glass jar on the top shelf. To the right, a frying pan hangs on the wall. The painting has a textured, expressive style with visible brushstrokes and a muted color palette.

Валентина Эйкорн

**Макароны
по-флотски**

Валентина Эйкорт

Макароны по-флотски

<https://litres.ru/74631092>

SelfPub; 2026

Аннотация

Взять жизнь. Ну, не буквально в свои руки, а так, чтобы рассмотреть. А чтобы рассмотреть хорошенько, к ней надо подойти. Вот именно здесь, в этом вопросе, в вопросе "как" подойти сокрыта глубочайшая, бездонная тайна бытия. В этом рассказе к одной одинокой душе мы подойдём со всех сторон и посмотрим на неё с разных, очень разных точек зрения.

Валентина Эйкорт

Макароны по-флотски

Взять жизнь. Ну, не буквально в свои руки, а так, чтобы рассмотреть. А чтобы рассмотреть хорошенько, к ней надо подойти. Вот именно здесь, в этом вопросе, в вопросе «как» подойти сокрыта глубочайшая, бездонная тайна бытия. К одной и той же, как её ни крути, жизни можно подойти с такого количества сторон, что буквально разбегаются глаза. А, может, и не сторон, а слоёв или точек, например, зрения, или волн, или это вообще калейдоскоп. Так или сяк, в любом случае при всяком подходе нам понадобится камертон. Зачем он нам? Затем, чтобы понимать, насколько тот или иной подход созвучен тому ля, которое вы берёте за ориентир, то есть считаете в данный момент собою. Есть у меня подозрение, будто это ориентировочное ля в разное время звучит по-разному, но утверждать этого я не стану, не возьмусь, потому что для этого нужно их сравнивать, что невозможно, поскольку ля — это ваш центр, а быть в нескольких центрах одновременно невозможно, если, конечно, вы не осознаёте себя как квантовый объект. Точнее, субъект, коль скоро именно субъект является центром, то есть субъектом, претендующим на объективность. При помощи камертона этот субъект решает, какой из волн или точек зрения, какому слою действительности из тех, что вы способ-

ны видеть, придать статус объективности, решает, проще говоря, как смотреть на жизнь, ещё проще — какова она. Да, именно этот товарищ, ваше на данный момент истинное «я» определяет, какова ваша жизнь. При всей банальности и бесспорности этого факта, у него есть один нюанс — здравый смысл. До какой степени принятый вами за объективность взгляд на жизнь может не соответствовать объективному же положению дел? Трудно не признать, что в жизни есть обстоятельства, не зависящие от нас. Так вот насколько наше отношение к жизни должно их учитывать? Можно ли их вовсе игнорировать? Более того, при всём нежелании, я не могу не дойти до крайности и, памятуя философию трансёрфинга и «оркестрованную» объективную редукцию Пенроуза, не спросить: может ли наше восприятие и отношение их, эти обстоятельства непреодолимой силы, преодолеть, изменить? Ох, да, я вижу эти дебри, мы не полезем в них.

Фома устал, устал от себя, от всех, кого когда-либо под этим подразумевал. Жаль было замыслов, всех, которые он только выносил когда-то. Жаль было прожитых характеров и мнимых судеб, тех, что казались, менялись и зависели от других, куда более сущих, сокровенных, куда больших трудов и жертв стоивших вымыслов и замыслов, вымыслов о вечном, которые, и это унижало до слёз своей бессердечной смехотворностью, со временем тоже менялись. Беззвучно ухмылялось всё, весь мир и всё, что в нём расплылось в кривой усмешке разочарования. Причина его была ясна,

здесь и сейчас она была очевидна, стояла ни мало не смущавшейся собственной наготой правдой перед глазами, и не хотелось даже думать о том, какой она может стать там и тогда, ввиду уже иного настроения и других идей, не хотелось вовсе думать ни о каком продолжении, ни о какой возможности новых чаяний и мыслей, которые всегда соврут, которые лишь принесут с собой новые времена с их домыслами о прошлом, но никогда уже не объяснят настоящего отчаяния, здесь и сейчас, в этой постылой комнате, роднее которой у Фомы не было никого.

Узкая полоска неба между торцами двух высотных зданий, угрюмо заключающих вид из его окна, эта полоска знакомого, своего неба умела рассказать Фоме неизмеримо больше тайн и одарить его куда щедрее от своей бездонности и вечности, чем все небесные просторы над землёй. Сюда, в свой сумрачный, угрюмый, укромный уголок он приносил всё схваченное снаружи, чтобы в этих четырёх стенах жила его любовь, та, что была больше сердца, его чувство нежного сострадания к тому, что глубже неба и всего, что на небе, глубже самого страдания, его тоска по тому, что было роднее и ближе ему, чем он сам, его безнадежная надежда, та безответность, которой не нужно вопросов. Всё это, точнее, То безымянное, самое близкое, но всегда недостижимое, к чему все эти чувства обращались, именно оно заставляло, куда там, требовало, вовсе не смягчаясь от его здесь и сейчас безутешной, уже не играющей с подспудной надеждой, неумо-

лимой, глухой ко всем мольбам, безвкусной, ни горькой от разочарования, ни сладкой от тоски, ни острой от обиды, а тупой и пресной, полой боли, требовало думать и думать о себе, измышлять для себя всё новые понятия, образы и формы. Нельзя было уйти, некуда, оно звало, угрожало забыться, не отпускало от мысли, что только там, у него есть предел, за которым уже нет пределов, там совершенство, к которому нельзя не стремиться, и, значит, которое необходимо как-то определить. Обман. Не было никакой усмешки, не было и потери, никакой невосполнимой утраты, был обман, пустота, сбросившая с себя все свои сказочные мины и показавшая истинное, безликое своё небытие, каковым оно было всегда, не будучи способным даже усмехаться той жестокой шутке, что играла всё это время с человеком.

Мифы, легенды, сказки о небе над и под головой, истории про свою мировую историю и историю своей судьбы... Среди жизни, среди того, что преисполнено самим собою, как может в человеке воцариться пустота?

Всю жизнь, с самого детства, Фоме казалось, что кто-то или что-то где-то там, в конечном счете, его оберегает, какая-то высшая благая и, главное, к нему благосклонная сила или существо. Поэтому его всегда, даже в самые патовые моменты, сопровождало смутное подспудное знание, что всё в итоге будет хорошо. Теперь же, уже как год или даже два, его преследовало неотступное ощущение, что его жизнью управляет злобный демон, который норовит испортить всё,

что так или иначе его касается, извратить всякое желание, вывернуть боком все дела, все начинания похерить и пресечь даже самую малую и скромную надежду хотя бы на передышку. Как медным тазом его жизнь накрыло состоянием обречённости. Он должен что? Страдать. И к чёрту всякие надежды, которые только множат разочарования. За что, почему страдать? Как и зачем всё изменилось? Куда исчез его ангел-хранитель, или сам бог, куда он смотрит? Почему сменил милость на гнев? Почему отдал его на растерзание какому-то демоническому маньяку?

Приходила ли ему в голову мысль о том, что никого нет, ни там, ни сям? А если кто-то и есть, то это он сам? Приходила, и он её гостеприимно принимал, усердно думал, как следует. Только толку то. Ощущения, подозрения и подспудные знания были сильнее.

Он болел, тяжело и долго, физически и морально. Кроме того, была такая вероятность, что его физическая болезнь была лишь внешним проявлением моральной. И эта вероятность только усугубляла его страдания, потому что делала реальную физическую боль как будто бы ненастоящей. То есть вот, он её испытывает, а объективно нет её. Такая фантазмагория привносила в его жизнь стойкий диссоциативный привкус, оттенок бреда, изменённого состояния сознания, в котором он не всегда и не вполне понимал, где явь, а где иллюзия. А этакий делирий, в свою очередь, усугублял

соматические симптомы. Получался порочный круг, в котором он был замкнут. Поэтому в те всё более и более редкие, исключительные моменты, когда Фома не испытывал физических болей, его не тошнило и не выкручивало наизнанку, он не был счастлив всё равно. Во-первых, потому что знал, что это ненадолго. Во-вторых, потому что освободившееся от физических страданий место в сознании тут же занимали мучительные онтологические вопросы бытия: кто я, где я, как, зачем. Под тяжестью этих вопросов он сгибался, садился, потом ложился и лежал, обычно калачиком, весь день. А то и ночь — ночи часто бывали бессонными.

Оказывается, среда. А он не знал. Потому что по средам он делал то же, что по вторникам и четвергам — страдал. Но сегодня нужно будет как-то выйти. Собрать, соскрести по всем уголкам души оставшуюся волю, зажать её в кулак и идти в аптеку — кончились лекарства, которые ему не помогали, но он, из опять же остатков уважения к себе продолжал их пить. В качестве ритуала, без, не дай бог, на что-нибудь надежды.

Покрючившись то так, то эдак, на левом, правом боку, на животе, часам к трём он, как ему казалось, наконец, решился. Он посчитал от ста до одного и со словами «ноль, встаём!» медленно, аккуратно, по частям поднялся. Пока не разгибаясь. Так, полусогнутым, стараясь глубоко дышать, он походил по квартире, пытаясь свыкнуться с вертикальным положением тела. Ещё нужно одеться, причесаться.

В пятом часу он вышел. Моросило. Ноги, наверное, с непривычки, немного дрожали, покалывало где-то в бёдрах — ерунда, он уже привык. В аптеке небольшая очередь, но ему некуда спешить. Забыл рецепт. Вот чёрт. Да и хрен с ними, всё равно не помогают. Он вышел из аптеки и пошёл домой. Сколько же, сколько ещё подобных дней ему осталось вытерпеть. Время так медленно, мучительно медленно идёт. В нём столько пустот, пугающих, невыносимых. Когда ты в пять утра, глядя в потолок, осознаёшь сколько ещё томительных часов надо протянуть до того момента, когда можно будет снова лечь в ожидании сна, становится не по себе. Впрочем, что значит «себе»? Какому себе? Какому из себя? Когда в последний раз он был в таком себе, чтобы со всей ясностью ума, с уверенностью и удовлетворением сказать: «Вот, я в себе, в котором надо?»

В ноябре солнце садится рано, в пять уже темнеет. Сквер, неудобный и невзрачный, почти полностью погрузился во мрак — свет фонарей сюда не доходил. Зато сюда доходили собачники со своими разномастными питомцами, продуктами жизнедеятельности которых были испещрены обочины тропинок. Не вляпаться бы в темноте.

— Извините.

Фома обернулся. Мужчина лет сорока, на вид приличный, хотя и с усами.

— Вы не подскажете, какой сегодня день недели?

Фома немного удивился странному вопросу, но особого

значения происходящему придавать не стал.

— Среда, — ответил он.

— Спасибо, это превосходно, — сказал мужчина.

— Вы так считаете? — не удержался ещё больше удивившийся Фома.

— Конечно. Что может быть лучше?

— Ну, например, четверг. Чем он хуже?

— Четверг непременно будет лучше, но только завтра.

Какой чудак.

— А у вас, может быть, будет свободная минутка или две?
— вдруг спросил мужчина.

Фома напрягся и нехотя ответил:

— Смотря для чего.

— Для знакомления.

— Кого и с чем?

— Вас со средствами.

— Какими средствами? Вы барыга?

— Нет, что вы, средствами в смысле принципов.

— Вы проповедник? Свидетель Иеговы? Тренер личностного роста? Меня такие вещи не интересуют.

— Ни в коем разе.

Нелепость ситуации и странные формулировки вызывали у Фомы невольное любопытство.

— Хорошо, давайте.

— Я постараюсь быстро, коротко и ясно.

— Это хорошо.

— Невыносимость выносима, это первый принцип.

— О, да, его я знаю. Терпимо всё, что не смертельно, из чего можно сделать очевидный вывод, что в жизни всё терпимо.

— Именно так. Но это ещё не всё.

— Очень на это надеюсь.

— Вот именно. Надежда.

— Умирает последней?

— Да, только после вас.

— Вы капитан Очевидность? Простите, если грубо.

— Нет, я не капитан.

Фома не мог понять, играет ли мужчина идиота или он в самом деле идиот.

— На этом всё?

— Нет-нет, есть ещё несколько крайне важных принципов.

— Ну давайте.

— Любую форму можно наполнить любым смыслом.

— Что вы имеете в виду?

— Смыслом, содержанием, каким вам угодно, можно разделить любую, какую хотите вещь.

— Не думаю, что понял в полной мере, но давайте дальше.

— А дальше идёт значение.

— А с ним что?

— Его вы тоже можете придать какое захотите и чему угодно.

— Я в этом сомневаюсь.

— Очень зря. Вы даже не представляете, как изменится ваша жизнь, если вы правильно меня поймёте и примите к сведению мои слова.

— Ну что ж, я подумаю над этим.

— Есть ещё одно, самое важное средство.

— Я весь внимание.

— Впустите новое.

— Не понял. Кого, куда впустить?

— Новое. В сознание и, следовательно, в жизнь.

— Звучит красиво, но общо.

— Это вы очень верно подметили. Потому как крайне важно понимать, насколько новым должно быть новое.

— Понятно.

— В самом деле?

— В самом деле — нет.

— Понимаете ли, здесь может быть подвох. А может и не быть.

— Ещё и подвох.

— Да, может стать так, что новое — это хорошо забытое старое.

— А, ну да, я понял.

— Не думаю. Всё совсем не так просто. Во-первых, это вовсе может быть не так. Во-вторых, связь очень трудно уловима.

— Я не вполне понимаю даже, связь между чем и чем.

— Между тем, что вы потеряли, хоть и не имели, и тем, что должны обрести.

— Действительно сложновато.

— Да, но необходимо.

— Кому? Зачем?

— Вам. Чтобы изменить своё восприятие жизни и, как следствие, жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.